

Политические процессы и практики

РЫБАКОВ Андрей Вячеславович – д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой политологии Московского авиационного института (Национального исследовательского университета) (125993, Россия, г. Москва, Волоколамское ш., 4; rybackov@rambler.ru)

КВОН Даниил Андреевич – к.полит.н., доцент кафедры политологии Московского авиационного института (Национального исследовательского университета) (125993, Россия, г. Москва, Волоколамское ш., 4; docentkvon@yandex.ru)

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. В статье анализируется одна из моделей интеграционной политики полиэтнического населения – мультикультурализм. Показано, что на практике мультикультурализм – это не безусловное признание культурных различий, а своего рода компромисс между государством, представляющим культуру большинства, и меньшинствами. Однако более чем 30-летняя апробация концепции мультикультурализма в таких странах, как США, Канада, Австралия, Сингапур, показала, что она не всегда срабатывает именно так, как виделось ее апологетам. И все же конструктивной альтернативы политике мультикультурализма пока нет.

Ключевые слова: мультикультурализм, этнонациональная политика, этнические различия, политическая корректность, культура

Термин «мультикультурализм» имеет много значений и используется для определения достаточно широкого круга явлений. Мультикультурализм понимают как некую научную концепцию, теоретический конструкт; как специфический дискурс относительно культурных различий и отношение к ним; как реальную ситуацию в обществе с неоднородной по своему составу этнонациональной структурой; как политику интеграции меньшинств в социум и стратегию управления межэтническим, межкультурным взаимодействием [Воронков 2002: 38].

Сущность идеи мультикультурализма можно определить формулой: единство при разнообразии. Речь идет о гармоничном взаимодействии носителей разных культур в рамках единого политико-территориального сообщества – нации-государства. И хотя под определение «культурно отличные группы» подпадают и лица с нетрадиционным типом сексуальной ориентации, и инвалиды, и представители нетрадиционных религий, и т.д., имеются в виду, прежде всего, представители этнических меньшинств, особенно из числа иммигрантов. Именно попытка более успешно интегрировать их в общество, избегая принудительной ассимиляции, и обусловила разработку концепции мультикультурного общества, которое не базируется на гегемонии одной культуры, а стремится обеспечить равноправное существование различных культур и равное участие носителей этих культур в общественной жизни. Канадский политический философ У. Кимлика определяет мультикультурализм как ветвь либерализма, т.е. считает, что неравенство людей справедливо в том случае, если оно обусловлено результатом выбора и индивидуальных действий, а поскольку заслуги людей в том, что они принадлежат к какой-либо расе, нет, соответственно, неравенство в социальном положении представителей разных этнических групп общества является незаслуженным [Кимлика 2010: 411].

На уровне реальной политики мультикультурализм – это комплекс мероприятий по искоренению и предотвращению любых форм дискриминации, по сохранению и развитию этнокультурного разнообразия, но при обязательном условии признания ценностей большинства, доминирующей в обществе культуры [Скоробогатых 2004: 136].

Мультикультурализм как доктрина этнонациональной политики был официально провозглашен в Австралии, Канаде и США в 1970-х гг. Каждая из этих стран пыталась таким образом решить свои специфические проблемы. Для Австралии – это повышение иммиграционной привлекательности страны, для Канады – попытка сохранить целостность государства, разделенного на франкоязычную и англоязычные провинции; для США – попытки противодействовать острому противостоянию «белой» и «черной» Америки. Но главная цель всех стран, которые обращаются к полному или частичному внедрению мультикультурализма, – это стремление таким образом обеспечить социальную гармонию и интеграцию этнически и культурно разнообразного общества.

Первой на путь реализации политики мультикультурализма встала Канада. Побудила ее на это достаточно сложная, но главное – неуравновешенная этнонациональная структура населения. На роль «нации-основателя» претендовали два конкурирующих между собой сообщества: канадцы англосаксонского и французского происхождения, которые к началу 1970-х гг. составляли соответственно 44% и 28% населения страны. 27% его численности представляло автохтонное население Северной Америки – индейцы и эскимосы, а также выходцы из разных стран Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, которые представляли более 90 национальностей. Считается, что доктрина мультикультурализма под названием «канадская мозаика» родилась, прежде всего, в контексте противостояния между англофонами и франкофонами, но главная ее цель была связана с необходимостью решения проблем этнических меньшинств, которые все активнее требовали ликвидации существующего по отношению к ним социального неравенства [Тишков 2003: 239].

Некоторые исследователи обращают внимание на то, что мультикультурализм представляет собой лишь переименование тех процессов, которые с 1960-х гг. осмысливались в терминах этнического возрождения. Категория «культура» пришла на смену категории «этничность», поскольку предлагала более широкую, более мягкую формулу конфликтогенного современного общества. Таким образом, его структурные проблемы перекодировались в «культурные» [Малахов 2002: 48].

Канадская модель внедрения идеи мультикультурализма носит преимущественно интегративную направленность, поскольку принципиально отказывается от представления о структуре канадского общества как состоящей из двух наций плюс меньшинства. Подчеркивая двуязычную основу существования единой канадской нации при одновременном признании других культур в качестве равноправных, концепция «канадской мозаики» предусматривает всестороннюю помощь в их развитии. Эту функцию берут на себя специально созданные институты – государственный министр по политике мультикультурализма, Канадский консультативный совет по мультикультурализму, Директорат по мультикультурализму и т.п. Канадское правительство определило четыре основных направления государственной политики мультикультурности:

- помощь всем группам, которые хотят сохранять и развивать собственную культуру и прилагают к этому усилия;
- помощь представителям всех групп по преодолению культурных и других барьеров на пути к полноценному участию в канадском обществе;
- содействие контактам и культурному взаимодействию членов различных групп в интересах обеспечения национального единства;
- помощь иммигрантам в овладении официальными языками Канады [Тишков 2003: 242].

На эти цели выделялись весьма значительные финансовые и организационные ресурсы, особенно на программу сохранения неофициальных языков, обу-

чение всех желающих овладеть другими языками, кроме английского и французского, на поддержку историко-культурного наследия различных групп и т.п. И, как отмечают наблюдатели, канадское общество действительно изменилось к лучшему, действительно стало напоминать культурную мозаику. Однако, как предостерегает французский ученый Мишель Вьевиорка, «мультикультурализм в той форме, как он был изобретен в Канаде в начале 1970-х годов, был не просто ответом на проблемы культурных и этнических меньшинств в стране и средством восприятия Канады как мозаичного общества, а не как плавильного котла. Мультикультурализм также стал средством избежать или отложить на время биполяризацию страны» [Wieviorka 1998: 884]. Именно по этим причинам англофонная Канада восприняла новую политику с достаточным пониманием и поддержкой. Либеральная часть франкофонов также в конечном итоге поддержала эту политику, хотя квебекский сепаратизм не один раз напоминал о себе. Не исчезли и проблемы этнических меньшинств, значительная часть представителей которых до сих пор остаются слабо интегрированными в канадское общество, занимают в нем преимущественно низкостатусные социальные позиции.

Дело в том, что мультикультурализм в его канадском варианте с самого начала его введения не рассматривался как средство лоббирования и защиты интересов меньшинств и этнокультурных различий. Он прежде всего был направлен на нейтрализацию и деполитизацию этнических различий, которые могут угрожать стабильности общества. В соответствии с официальной политикой мультикультурализма в Канаде этнические различия воспринимаются и даже культивируются, однако до того предела, пока они, во-первых, не нарушают прав человека как высшей ценности, во-вторых, не нарушают существующий в обществе порядок. На практике мультикультурализм – это не безусловное признание культурных различий, а своего рода форма компромисса между государством, представляющим культуру большинства, и меньшинствами. От них требуется лояльное отношение к государству, гражданами которого они являются, они должны знать его историю, язык и традиции, иметь соответствующую национально-государственную идентичность. С другой стороны, общество должно показывать свое положительное отношение к представителям меньшинств, приспособить свои институты к особенностям их социокультурных практик. То есть, исходя из понимания общества как поликультурного образования, мультикультурализм остается идеологией государственного единства [Смирнов 2005: 34]. Отличается от канадской версия мультикультурализма, воплощаемая в Соединенных Штатах Америки. С самого начала она была направлена не столько на удовлетворение потребностей различных этнокультурных и субкультурных групп, сколько на преодоление расового неравенства, смягчение противостояния между «черной» и «белой» Америкой. В США оказались разведенными два вида проблем. Ликвидация расового неравенства, условно говоря, выносилась за пределы культурных категорий: между белыми и черными американцами нет культурных, а тем более этнических различий, а есть различия социальные, обусловленные историей и социальной практикой. Не вопросы расы и культуры сами по себе, а связанные с ними проблемы социальных различий и дискриминации прежде всего беспокоят американских идеологов мультикультурализма. Поэтому главные усилия сосредоточены на практике афирмативных (утвердительных) действий или, в другой терминологии, положительной дискриминации. Речь идет о предоставлении определенных преимуществ на рынке труда и образования наиболее ущемленным группам населения, прежде всего афроамериканского происхождения. Это осуществляется путем установления квот для тех групп, которые являются объектом госу-

дарственной поддержки, при зачислении в высшие учебные заведения, трудоустройстве, в т.ч. на престижные должности, и т.п. В США настойчиво культивируется так называемая политическая корректность (*political correctness*) как технология, направленная на формирование толерантности и уважительного отношения к различным расовым, этническим, социальным и религиозным группам. Политкорректность как форма поведения и общения накладывает табу на использование таких терминов и действий, которые вызывают негативные коннотации, воспринимаются как ущемляющие человеческое достоинство и нарушают равные права всех граждан.

Одной из первых групп, по отношению к которой принцип политической корректности был применен наиболее радикально, стало чернокожее население Америки. В 1960–1970-х гг., когда усилилась его борьба за равные гражданские права, наиболее распространенные в то время номинации *black, negro*, а тем более пренебрежительное *nigger* (черномазый) стали восприниматься как оскорбительные, имеющие дискриминационную направленность. Постепенный поиск наиболее нейтрального названия этой группы привел к появлению термина «афроамериканцы», который стал общепринятым и признается сегодня единственно возможным в политическом лексиконе. В дальнейшем поиск «политкорректных» наименований и форм обращения был распространен и на другие группы населения: женщин, сексуальные меньшинства, инвалидов, лиц преклонного возраста и т.д., поскольку все они требовали признания их равноправными членами общества.

Политкорректность является, прежде всего, инструментом языковой политики, т.е. целенаправленным воздействием на язык с целью предотвратить недовольство отдельных групп населения и таким образом сохранить социальную стабильность в обществе. Однако она отнюдь не ликвидирует социальное неравенство. Это, прежде всего, умение писать на уязвимые темы, балансируя между сохранением содержания и желанием не обидеть собеседника или читателя, принадлежащего к определенной социальной категории или этническому меньшинству [Остроух, Остроух 2003: 273]. Поэтому отношение к этому феномену современной американской действительности весьма неоднозначно как в самих США, так и в других странах мира. Политкорректность часто высмеивается, она многими воспринимается как форма цензуры и контроля над свободным выявлением мнений. Тем не менее требование соблюдения принципа политкорректности позволяет несколько снять социальную напряженность, а главное — постепенно меняет личностные и групповые установки и ценностные ориентации, поскольку они, с одной стороны, в значительной степени формируются под влиянием языковой практики, с другой — определяют ее. Не случайно в последнее время все больше внимания уделяется роли средств массовой информации, которые могут разжигать (и, к сожалению, довольно часто это делают) межэтническую, межконфессиональную, межнациональную и т.д. вражду, употребляя термины, которые однозначно могут быть расценены как неpolitкорректные. В целом же, по мысли В. Тишкова, «общим для всех вариантов политики мультикультурализма, утвержденной в разных странах, было признание неоднородности современных гражданских наций, признание и поддержка культурных различий, включая не только так называемые исторические меньшинства, но и разные по культуре и религии группы иммигрантов, ставших во многих случаях гражданами стран нового пребывания» [Тишков 2013: 146].

Следует отметить, что и сама концепция мультикультурализма, и практика ее внедрения имеют много противников, активно критикуются как с теоретических позиций, так и с позиций практической значимости, способности содействовать решению тех острых социальных проблем, которые, собственно, и побудили

обратиться к разработке и внедрению идеи культурной многоукладности общества. С теоретических позиций концепцию мультикультурализма критикуют:

– за многозначность самого понятия «мультикультурализм», что затрудняет его использование в науке и общественной практике;

– идеалистичность, морализаторский характер самой идеи построения современного государства, основанной на признании равной ценности и равного социального статуса различных культур;

– подмену понятий «этничность» понятием «культура», что практически сводит этнические различия, в т.ч. и в социальном положении отдельных групп, к культурным различиям, объясняет социальную дифференциацию прежде всего действием культурных, ментальных факторов.

В практическом плане мультикультурализм критикуют, во-первых, за те негативные социальные последствия, к которым приводит последовательная реализация этого принципа построения нации-государства, во-вторых, за несоответствие провозглашенных целей и программ реальным результатам. Наиболее беспокоит критиков мультикультурализма то, что он может быть существенной преградой на пути национальной консолидации и даже ставит под сомнение единство нации-государства. Оказалось, что любая политика различий (как еще называют мультикультурализм) не только не решает проблемы гармоничного сосуществования носителей различной идентичности, а наоборот, углубляет эти проблемы, акцентируя внимание на границах, которые отделяют группы и культуры. Ведь даже этническая индифферентность официального политического дискурса, выделяющая Францию среди других европейских государств, не помогла преодолеть практику партикуляризации и геттоизации этнических меньшинств. Распространено мнение, что направленность политики мультикультурализма на защиту культурных меньшинств противоречит принципу равенства индивидуальных возможностей и, в конечном итоге, способствует закреплению неравенства. К тому же льготы в виде квот, которые широко применяются в США, делают неуравновешенной конкуренцию на рынке труда. Предоставление особо благоприятных условий для пораженных групп (положительная дискриминация) не стимулирует их стремление ликвидировать существующее неравенство, а, наоборот, приводит к консервации привилегий, ориентированных на патернализм образцов поведения. Поэтому, несмотря на очевидную неэффективность распространенной в США практики «аффирмативных действий», оказалось невозможным отказаться от нее вследствие активного сопротивления тех, кто привык пользоваться государственной поддержкой.

С позиций властных структур мультикультурализм рассматривается как политика, выполняющая стабилизирующую функцию. Мультикультурализм несколько смягчает противостояние большинства и этнических меньшинств, доминирующей культуры и существующих субкультур. Для самих же этнических и культурных сообществ мультикультурализм служит стратегией их самоутверждения в обществе. Так, С.И. Глушкова отмечает: «В условиях мультикультурализма – признания наряду с универсальными правами человека также и национально-культурной специфики прав человека в каждой политической и правовой системе, культуре – важными для обеспечения индивидуальных прав являются вопросы личной безопасности и защиты индивидуального самоопределения» [Глушкова 2010: 136]. Тем не менее, несмотря на довольно существенные недостатки концепции мультикультурализма, большинство специалистов считают, что разумная альтернатива ей пока отсутствует. Отказ от «политики различий» в пользу принудительного «тождества» привел бы к беспрецедентному росту социальной напряженности. И поэтому сегодня такая возможность в иммиграционных странах даже не рассматривается. Симптоматично, что и так называемые «национальные

государства» Западной Европы постепенно отказываются от ассимиляционной парадигмы, реально проводя политику культурного плюрализма, хотя и не всегда называя последнюю «мультикультурализмом». Становится все более очевидным, что государство не может рассчитывать на преобразование иммигрантов в полноценных членов общества, не признавая за ними, хотя бы частично, право на отличие, право на сохранение идентичности. И еще один, довольно существенный аргумент: сегодня отказаться от сосуществования в условиях культурного плюрализма уже невозможно, ведь культурное многообразие — это не только и не столько этническое многообразие. Это и многообразие жизненных стилей, культурных ориентаций, норм поведения, т.е. всего того, что является определяющей характеристикой постмодернистского этапа развития общества. Отсюда актуальной для многих стран является необходимость приблизить поликультурный концепт к своей национальной специфике.

Список литературы

Воронков В. 2002. Мультикультурализм versus деконструкция этнических границ? — *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* (под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова). М.: Ин-т этнологии и антропологии; Ин-т философии РАН. С. 38-47.

Глушкова С.И. 2010. Индивидуальные, групповые, коллективные и всеобщие права в условиях мультикультурализма. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 131-140.

Кимлика У. 2010. *Современная политическая философия* (пер. с англ.). М.: ИД ГУ–ВШЭ. 592 с.

Малахов В.С. 2002. Зачем России мультикультурализм. — *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* (под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова). М.: Ин-т этнологии и антропологии; Ин-т философии РАН. С. 48-60.

Остроух И.Г., Остроух А.В. 2003. Политическая корректность как опыт формирования толерантного сознания. — *Межкультурный диалог: лекции по проблеме межэтнического и межконфессионального взаимодействия* (под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.И. Лебедевой). М.: Изд-во РУДН. С. 272-293.

Скоробогатых Н.С. 2004. Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или к расколу общества? — *Общественные науки и современность*. № 1. С. 135-146.

Смирнов А.Н. 2005. Этничность и культурный плюрализм в контексте государственной политики. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 30-52.

Тишков В.А. 2003. *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. М.: Наука. 544 с.

Тишков В.А. 2013. Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием. — *Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики* (под ред. М.Б. Погребинского, А.К. Толпыго). М.: Весь Мир. 400 с.

Wieviorka M. 1998. Is Multiculturalism the Solution? — *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 21(5). P. 881-910.

RYBAKOV Andrei Vyacheslavovich, Dr.Sci.(Pol. Sci.), Professor, Head of the Chair of Political Science, Moscow Aviation Institute (National Research University) (4 Volokolamskoye Dr, Moscow, Russia, 125993; rybackov@rambler.ru)

KVON Daniil Andreevich, Cand.Sci.(Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Political Science, Moscow Aviation Institute (National Research University) (4 Volokolamskoe Dr, Moscow, Russia, 125993; docentkvon@yandex.ru)

MULTICULTURALISM AS SOCIAL THEORY AND POLITICAL PRACTICE

Abstract. *The article analyzes multiculturalism, which is one of the models of integration policy in the countries with multi-ethnic population. The authors show that multiculturalism does not mean an unconditional acceptance of cultural differences, but is considered as a sort of compromise between state, representing the culture of the majority, and minorities of the country. Although more than thirty years of testing the concept of multiculturalism in such countries as the USA, Canada, Australia, Singapore, have shown that the concept does not always work in such a way, as its apologists believe. Yet a constructive alternative to multiculturalism has not been invented.*

Keywords: *multiculturalism, ethnic policy, ethnic differences, political correctness, culture*

ВЕСНИН Алексей Владимирович – адъюнкт кафедры политологии Военного университета Министерства обороны РФ (123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14; bernancke@yandex.ru)

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Аннотация. *В статье дается определение технологий формирования общественного мнения, выделяются некоторые виды технологий и методы информационного манипулирования, раскрываются основные их положения. Отмечается, что последовательное применение технологий формирования общественного мнения может изменять массовое сознание и окружающую действительность.*

Ключевые слова: *общественное мнение, технологии, манипуляция, демократия*

На современном историческом этапе международное сообщество все большее внимание уделяет развитию демократии и гражданского общества. Это обуславливает повышение значимости общественного мнения в политической сфере и его влияния на политические процессы. В демократических государствах на законодательном уровне закреплено включение общественного мнения в управленческий процесс. Созданы каналы и механизмы влияния общественного мнения на органы государственной власти. Это институты прямой демократии (выборы и референдумы), институты гражданского общества (политические партии, движения, организации, объединения и т.д.), средства массовой информации, Интернет, институты опросов общественного мнения.

Вместе с тем интересы различных политических сил часто не совпадают, и тогда для достижения своих целей они стремятся привлечь на свою сторону общественное мнение, применяя при этом различные политические технологии.

Технологии формирования общественного мнения представляют собой совокупность последовательных приемов, способов и методов, направленных на выработку в определенной группе людей или обществе в целом требуемых субъектам